

ВОСПРИЯТИЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ДЖ. МИЛЛЯ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА¹

Опубликовано в журнале "Вопросы философии", 2007, № 11, С. 163 – 166.

В. А. БАЖАНОВ

«Я рос в обстановке профессоров, среди которых был ряд имен европейской известности; с четырех лет я разбираюсь в гуле имен вокруг меня: Дарвин, Геккель, Спенсер, Милль, Кант, Шопенгауэр, Вагнер, Вирхов, Гельмгольц, Лагранж, Пуанкаре, Коперник и т.д. Не было одного имени – Маркс. Всю юность видывал я экономиста Янжула; ребенком прислушивался к словам Ковалевского; имена Милль, Спенсер, Дарвин слетали с их уст...Что же я читал? Лейбница, Канта, Шопенгауэра, Рила, Вундта, Гефдинга, Милля, Спенсера, Владимира Соловьева, Гартмана, Ницше, Платона, "Опыты" Бэкона (Веруламского), Оствальда, Гельмгольца, Уэвелля, ряд сочинений по философии естествознания (между прочим Дарвина), истории наук, историй философий, истории культур, журнал "Вопросы философии и психологии"...» (1; 20–21). Эти слова одного из самых важных документов эпохи дают некоторое представление о месте и значении английской мысли и науки в составе и иерархии русской культуры того времени.

Хотя «господствующее положение в нашей науке и литературе всегда занимала философия германская...» (11; 7), влияние английской мысли, особенно позитивизма, а значит, Милля нельзя недооценивать. Когда Розанов отмечает, что более многих других даже немецких авторов в России издавались некоторые представители позитивизма, – направления, которое слабо выражено «в наших университетах и академиях, но чрезвычайно сильно в литературе и обществе» (12; 18); или когда к этим сюжетам обращается Зеньковский («основное течение русского позитивизма лишь исходило от Конта и очень много вбирало в себя из построений Спенсера, Дж. Ст. Милля, равным образом из критицизма Канта и его последователей»; «сначала... Грот... находился под огромным влиянием позитивизма (в той форме, которую придал ему Г. Спенсер)» (3; 6, 14)), именно английское влияние оказывается самым важным и фундаментальным. Это касается не только Берви-Флеровского, но также и Н. Кареева, М. Ковалевского, Л. Петражицкого, П. Сорокина, Г. Шершеневича, П. Энгельмейера и др.

Каковы же характер влияния и особенности восприятия русской публикой и ученым миром России XIX в. социально-философской мысли Дж. Ст. Милля? Какое

¹ Работа на разных этапах поддерживалась грантами МИОН (КТК 112/2-3-03) и РГНФ (07-03-00054а).

воздействие его идеи оказали на русскую философию, гуманитарные науки и интеллигенцию?

Хотя связь Милля с Контом, разумеется, осознавалась («Один из самых первостепенных умов современной Европы, – замечал П.Л. Лавров, – Дж. Ст. Милль, бывший в сороковых годах корреспондентом Конта, принадлежит также к его наследникам» (6; 6)), это не означало, что Милля считали мыслителем вторичным и неоригинальным. «В противоположность Конту, – считал М. Туган-Барановский, – Милль не создал новой школы и не выработал законченной философской системы... Он более чем кто-либо другой, содействовал распространению во всем цивилизованном мире правильного понимания духа современной науки, возникшей на почве изучения природы» (14; 71). Слова Туган-Барановского не только демонстрируют глобальность влияния Милля на науку и философию: этот акцент на различии между Контом и Миллем, как уже показала приведённая выше цитата из Зеньковского, значим для русской позитивистской традиции, соотносившей себя скорее со вторым, чем с первым.

Акцент на различии, вероятно, восходит к самооценке Милля: он сам рассказывает в своих мемуарах, что «Курс позитивной философии» Конта впервые попал к нему в руки уже тогда, когда у него были написаны труднейшие главы «Системы логики» (издана в 1843 г.). Более того, контовская классификация наук стала популярной именно после выхода книги Милля «О. Конт и философия позитивизма» в 1865 г. Милль критиковал Конта: он, по выражению В.В. Лесевича, «подвигается вперед рука об руку с Контом, то расходится с ним». Убежденный, что метафизики можно избежать путем особой схематизации научного материала, Милль, когда говорит о «логике науки и философии науки, он очевидно предполагает схему этих наук и именно схему Огюста Конта...» (8; 130–131). При этом, по мнению Лесевича, «великою заслугою Милля навсегда останется, конечно, сведение понятия философии с онтологической почвы на гносеологическую. Литтре и другие ученики Конта могли повторять впоследствии до пресыщения наивные рассуждения о том, что самый объект изучения иерархизирован, и иерархизирован именно так, как это было высказано Контом – для Милля и его последователей утверждения эти раз навсегда отлетели в прошедшее, и философия – как то твердо установил Милль – стала научным познанием человека разумного, нравственного и общественного» (7; 85).

«Громадное значение Дж. Ст. Милля в истории развития новейшей научно-философской мысли едва ли будет отрицаться даже самыми горячими противниками названного мыслителя. Его "Система логики" с ее новейшим истолкованием индуктивного процесса... является одним из крупнейших произведений логической литературы за все XIX столетие», – писал Н. Виноградов (2; 9). В Милле видели подлинного создателя

учения об индукции («наведении»): «Джон Гершель первый стройно изложил теорию наведения... но не Джон Гершель и того менее Уэвелль указали то место, которое должен занимать индуктивный метод в теории познания вообще... Эта честь безраздельно принадлежит Миллю, который, обобщив методы предложенные Гершелем, беспристрастно указал в своей "Системе дедуктивной и индуктивной логики" на одинаковую необходимость в совокупности логического мышления, как наведения, так и вывода, показав притом, что цель всех наук сделаться в конце концов выводными», – писал Н. Хмелевский (15; XIX). Оценивая достижения предшественников Милля, можно сказать, что «у Гершеля Милль нашел очерки теории знания, приложимой к естественным наукам, и захотел обобщить методы им предложенные. В сочинении Уэвелля он имел перед собой попытку изложить полный кодекс теории знания, но испорченной половинчатыми взглядами и недостатком истинно научного понимания у самого автора». Тем не менее, в силу своего позитивизма Милль «едва коснулся логической теории вещей». Ему удалось построить логику знания, но все же не удалось предложить теории человеческой мысли, хотя он и не ставил себе подобной задачи (5; XXIII).

Торжество эмпирических наук и технический прогресс в XIX в. подводили к утверждению, что «с успехами наведения как логического метода неразрывно связаны блестящие успехи новейшей цивилизации... Слава шотландской философии состоит в том, что она приложила к науке человеческого духа тот же великий индуктивный метод, который систематизировал впервые Бэкон и приложил его к философии природы...» (16; VI). По существу, индуктивная логика воспринималась философами как новый революционный шаг в развитии этой науки. Математическая логика, которая уже начинала в середине XIX в. свое стремительное становление как качественно новый этап в развитии логической мысли, была почти неизвестна философам едва ли не вплоть до конца века. Более того, ими не различались еще в должной мере собственно логические и философские (скажем, Гегель) произведения, которые в той или иной мере затрагивали проблемы мышления. Это позволяло говорить, что «Аристотель, Декарт, Бэкон, Кант, Гегель, Тренделенбург, Гершель, Милль – вот вся *самостоятельная* литература логики» (5; XXV).

Весьма обстоятельно критиковал логические идеи Милля (и, кстати, Г. Спенсера) М.И. Каринский. Основанием знания должно считаться не методическое индуктивное исследование непосредственно данных фактов, как хотел, по мнению Каринского, Милль, а то, что предлагал Спенсер – «наивысшая ассоциативная связь представлений; индуктивный же методический процесс, подобно всякому другому процессу, сам должен искать своего оправдания в той же ассоциативной связи...». Между тем

непоследовательность Спенсера при объяснении им фактически существующего знания заключается только в том, что «совершенно достаточным признаком этой связи он считает ее разрывность, игнорируя неизбежный дополнительный ее признак, отсутствие стоящих в антагонизме с суждениями, опирающимися на эту связь, других суждений, имеющих также притязание опираться на ассоциативные связи представлений» (4; 179–180).

Даже силлогизм в интерпретации Милля, полагал Каринский, основан на опыте, а не на очевидной связи посылок и заключения. Однако опытным путем доказать формулы вывода нельзя, а значит, остается лишь верить в их истинность, оставляя вопрос об их логической обоснованности открытым. Ассоцианистский эмпиризм, по мнению Каринского, ошибался в том, что игнорировал саму возможность умозрительной очевидности (10; 160). Эмпиризм Милля проявлялся и в том, что хотя он и не затрагивал вопроса о происхождении логических средств вывода, он придает им особый характер достоверности, более принудительный, чем аксиомам математики, которые он относит к опыту (4; 6). В этом смысле Милля можно считать предшественником логицизма как одного из основных направлений в основаниях математики.

Весьма сурово индуктивные методы установления причинной связи и зависимости явлений Милля критиковал Л.В. Рутковский. Он сводил их к разделительным силлогизмам и показывал, что они не могут рассматриваться как методы индуктивного доказательства (13). Между тем Л.М. Лопатин усматривал заслугу Милля как раз в том, что он раскрыл понимание индукции «со всею строгостью и во всех последствиях: для него индукция состоит в том, что из нескольких случаев единообразия в последовательности или сосуществовании каких-нибудь явлений мы заключаем, что это единообразие присутствует во всех явлениях известного класса» (9; 57). Лопатин оценивал заслуги Милля во многом именно через призму ассоциативной психологии.

Связь идей Милля с ассоцианизмом позволяла его современникам говорить, что он внес вклад и в развитие психологии. Хмелевский писал, что «континентальные мыслители часто упрекали Англию в равнодушии к высшей философии. Но Англия не всегда заслуживала этот упрек и уже заявила несомненными симптомами, что она не хочет заслуживать его долее. Ее мыслители снова начали видеть, – что ими забыто лишь временно, – что истинная Психология есть необходимая научная основа Морали, Политики, Науки и искусства Воспитания; что Метафизические трудности лежат у корня каждой науки; что поладить с этими трудностями можно только разрешением их, и что до тех пор, пока они не будут разрешены – положительно если возможно, но отрицательно во что бы то ни стало, – мы никогда не можем быть уверены, чтоб какое-либо человеческое знание, даже естествознание, покоилось бы на солидных основаниях» (16; 2).

Оценки учения Милля как по существу в своем основании психологического были достаточно типичны для русских ученых. Например, Туган-Барановский считал, что главную задачу Милль видел в построении социальной науки, предметом его исследования была «психическая жизнь человечества в самом широком смысле этого слова... Изучение психических процессов отдельной личности служило ему основанием для разработки социальных вопросов: жизнь индивидуума и общества – вот постоянная тема сочинений Милля. Он был убежден в том, что социальная наука не может иметь самостоятельного характера, и что законы социальных явлений могут быть открыты только тогда, когда мы поймем явления, происходящие в душе отдельного человека» (14; 71).

Другая ипостась Милля как социального мыслителя – теоретик политической экономии. Одним из переводчиков и комментаторов его труда, посвященного основаниям политической экономии, в 1860–1861 гг. явился Н.Г. Чернышевский. «Книга Милля признается всеми экономистами за самое лучшее, самое верное и глубокомысленное изложение теории, основанной Адамом Смитом, – писал он... Милль пишет, как мыслитель, ищущий только истины, и читатель увидит, до какой степени различен дух науки, им излагаемой, от направлений тех изделий, которые выдаются у нас за науку... Мы переводим его книгу не потому, чтобы считали ее вполне удовлетворительной, а только потому, что в ней честно и верно изложена та сторона науки, которая развилась раньше других частей и служит основанием для дальнейших выводов» (17; 7).

Итак, идеи Дж. Ст. Милля оказали заметное влияние на гуманитарную мысль в России. Репертуар идей и установок (позитивизм, индукционизм в логике, культ психологии, либерализм в политике, агностицизм) предопределил исключительную популярность – переводимость и обсуждаемость – его книг в России. Русские ученые учились у Милля и, хотя часто критически осмысливали его идеи, всё же находились под их воздействием, усваивая и применяя их в своих исследованиях. По силе и продолжительности с его влиянием может сравниться не всякое другое: «Он (Милль. – В.Б.) умер сорок лет назад, – писал С. Рапопорт в 1912 г., – но может считаться нашим современником» (11; 214).

Литература

Принятые сокращения: ВФП – Вопросы философии и психологии; ЖМНП – Журнал министерства народного просвещения.

1. *Бельй А.* Начало века. М., 1990.

2. *Виноградов Н.* Обзор кн.: Зенгер С. Дж. Ст. Милль // ВФП. 1904. Кн. 71 (1).
3. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 2. Ч. 2.
4. *Каринский М.* Разногласия в школе нового эмпиризма по вопросу об истинах самоочевидных // ЖМНП. 1907. Часть XI. Сентябрь.
5. *Лавров П.* Предисловие / *Милль Дж. Ст.* Система логики. СПб, 1878. Т. 1.
6. *Лавров П.* Задачи позитивизма и их решение. СПб, 1906.
7. *Лесевич В.* Что такое научная философия? Этюд. СПб, 1891.
8. *Лесевич В.* Опыт критического исследования основ начал позитивной философии. СПб, 1877.
9. *Лопатин Л.М.* К вопросу о математических истинах // ВФП. 1892. Кн. 14.
10. *Лосский Н.* Обоснование мистического эмпиризма // ВФП. 1904. Кн. V (75).
11. *Рапопорт С.* Письма Дж.Ст. Милля // Вестник Европы. 1912. Кн. 12.
12. *Розанов В.* Заметки о важнейших течениях русской философской мысли в связи с нашей переводной литературой // ВФП. 1890. Кн. 3.
13. *Рутковский Л.В.* Критика методов индуктивного доказательства // ЖМНП. 1899. Ч. 324.
14. *Туган-Барановский М.* Дж. Ст. Милль. Его жизнь и учено-литературная деятельность. СПб, 1892.
15. *Хмелевский Н.* Предисловие / *Стюарт Милль (и Тэн).* Наведение как метод исследования природы. СПб, 1866.
16. *Хмелевский Н.* Предисловие / *Милль Дж. Ст.* Обзор философии сэра Вильяма Гамильтона и главных философских вопросов, обсуждаемых в его творениях. СПб, 1869.
17. *Чернышевский Н.Г.* Предисловие / Полн. собр. соч. М., 1949. Т. IX.